

Концепция трагического в лирике А. Блока (на примере системы «слово-цвет – звук» в цикле стихов «Снежная маска»)

В 1907 году Александр Блок так определил основное устремление своего творчества: «Из болота – в жизнь, из лирики – к трагедии». Эта необычайно ёмкая формула являет собой движение и внутри самой лирики поэта: от мистической созерцательности «Стихов о Прекрасной Даме» к стихам трагического переживания. И цикл стихов «Снежная маска», пожалуй, будет отправной точкой отсчёта трагического начала в лирике Блока. В этом цикле, едва ли не самом загадочном, трагично и понимание любви, и восприятие мира, в котором со старым – светлым и молодым – покончено, а новое – ещё неизвестно. А несёт к этому будущему чёрной ночной дорогой в «среброснежных просторах» жуткая стихия – злобная, завывающая, с «вихрями снежными над бездной» и «вьюгами темнокрылыми».

«Снежная маска» имеет своеобразную поэтику, которая вызывает ощущение трагичности, гибельности, мрачности. Какими способами это достигается? Только ли столь частым употреблением таких слов, как смерть (в данном цикле оно встречается 23 раза), гибель (5 раз), мертвец (7 раз), гроб (6 раз), крест (12 раз), кровь (14 раз), такими сочетаниями, как «замогильный свет», «песни панихид», «синий призрак умершей любовницы» и подобных. Нет, не только.

Созданию такого настроения способствуют и цветовая гамма, и звуковое оформление, и своеобразное, можно сказать, музыкальное обрамление стихов, наличие определённых атрибутов гибели и т.п.

Так, к примеру, анализируя гамму цветов, несложно заметить, что преобладает, в основном, тёмный цвет.

Французский блоковед Робер Триомф уверяет, что А.Блок наиболее тяготеет к тени, сумраку, смутным впечатлениям: «Блок не любил солнца,

солнечные мотивы возникают у него лишь случайно». Причём, тёплые – дневные и летние – краски для Блока всегда символ прошедшего, а холодные – ночные, зимние – настоящего. А такие «ледяные» краски – тёмные и неудобные, характеризующие заснеженное и трагическое настоящее и превалируют в цикле. Причём, что интересно, даётся чаще не чёрный, не серый цвет, а именно тёмный, заключающий в себе неясный, смутный, непостижимый и в то же время зловещий смысл.

Рыцарь с темными цепями

На стальных руках.

...

Ты меня обжигаешь глазами

И скрываешься в тёмный тупик.

В чёрном цвете у Блока звучит трагизм, обречённость: «Чтоб лететь стрелой звенящей // В пропасть черных звёзд!» А также философское осмысление жизни лирическим героем, что придаёт стихам мрачный колорит:

Там – лишь чёрная вода,

Там – забвеньё навсегда.

Чёрный цвет, впрочем, как и другие, не воспринимаются у Блока отвлечённо. Каждая краска – символ. Каждая – чувство и ощущение. Каждая – будто живёт своею жизнью, являясь мироощущением самого автора. «Краски. Разве они могут жить? Могут!- заявляет (и не без основания) русский актёр Михаил Чехов, современник Блока, в своей книге «Путь актёра». – Взгляните на красную краску: она кричит и радуется, она возбуждает волю, она звучит, в ней слышится «rrrrrrr». Синяя краска, напротив, спокойна... Взгляните на жёлтую – она излучается во все стороны, не знает границ... Краска живёт, и актёр должен знать ее жизнь. Он играет на красочном фоне и не знает, не чувствует, какая кричащая дисгармония живёт в зале, когда он, например, играет лирическую сцену на красном фоне, или изображает гнев на синем...»

Обращаясь к анализу фонетики, несложно заметить тяготение поэта к звукам «А» и «О».

В снежной пене – предзакатная –
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Звук «А» в данном примере соотносится с ощущением этого звука в цвете чёрном поэта-символиста Артюра Рембо, который дал своё видение гласных в одноименном стихотворении.

С большим количеством шипящих гласный «О» также создаёт впечатление зловещего и таинственного:

У меня под ложем – знаки
Черных дней.

А раз у Блока приоритет принадлежит чёрному цвету, то, не нарушая этой гармонии, он отвечает мировосприятию поэта. Темные краски в стихах Блока живут, возбуждая ощущение трагического:

И канет тёмная комета
В пучины новых темных встреч.

Надо заметить, что в третьем томе лирики Блока появляются и иные цвета, но даны они, как правило, в контрасте, с тем, чтобы ещё больше подчеркнуть мрачный колорит: «Чем ночь белее, тем чернее злоба», «В черных сучьях дерев обнажённых // Жёлтый зимний закат за окном», «...свет...// Рассыпался над чёрной далью // Златым пучком».

По замечанию лингвиста Г.О. Винокура, в поэтическом языке в принципе нет слов и форм немотивированных, с пустым, мертвым, произвольно-условным значением¹, с пустым, мёртвым, произвольно условным значением.

А потому значимыми у Блока являются не только краски, но и звуки. То, что лирика 2 тома отличалась у Блока обилием гласных, отмечал К. Чуковский, сравнивая стихи этого периода с суровыми и трубными звуками «Двенадцати»,

¹Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку/ Винокур Г.О. – Москва : Учпедгиз, 1959 . – 492 с.

в которых «почти прекратилось засилие гласных». Благодаря гласным, стихи в рассматриваемых циклах звучат удивительно мелодично, протяжно, и, в то же время, веет от них каким-то жутким холодом.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселей
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.

Аллитерация звуков «Ж», «Щ», «Ш» создаёт ощущение напряжённости и завораживающей душу загадочности. И в этом – особый приём создания музыкальности стиха, которая тоже у Блока звучит на трагической ноте.

А. Блок часто любил повторять слова Гоголя: «Если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?»

Музыка всегда была в сознании и чувстве поэта, жила и в его поэзии, по-разному применяясь в циклах. Ведь музыка для поэта – темп эпохи, ее ритм, марш, надежды, устремлённость в будущее.

В «Снежной маске» мы слышим пение вьюг да голос рогов и труб, которые в унисон трагическим коллизиям звучат в мире лирического героя и его возлюбленной. Все в вихре стихии, все несётся и кружится. В «Фаине» «музыка преобразила и обожгла твоё лицо», обожгла жутким весельем и испепеляющим душу звоном.

О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...

Гармоника – ты?

....

Гармоника, гармоника!

Эй, пой, визжи и жги!

27 февраля 1907 года А. Блок писал по поводу тех произведений Леонида Андреева, которые были рождены крайним отчаянием: «Каждая его фраза – безобразный визг, как от пилы, когда он слабый человек, и звериный

рев, когда он творец и художник. Меня эти визги и вопли проникают всего, от них я застываю и переселяюсь в них, так что перестаю чувствовать живую душу и становлюсь жестоким и ненавидящим всех, кто не с нами...»². Такие звуки в произведениях Л. Андреева воздействовали на Блока столь остро и болезненно, что нередко соответствовали настроению поэта, в чем он сам и признается: «В эти мгновения я с Л. Андреевым – одно, и оба мы отчаявшиеся и отчаянные». А что может больше породить трагическое видение мира, чем не отчаяние?

Вообще, если облечь циклы поэта в некую танцевально-музыкальную форму, что уже пытались делать такие исследователи, как Л. Гинзбург, И. Крук, то, обобщая их выводы и исходя из своих, можно отметить, что у Блока превалирует цыганская тема, которая, как пишет Л. Гинзбург, «непохожа на русскую романтическую цыганщину XIX века...»³. Цыганская символика Блока отражает существенные для него противоречия жизни. Одна из граней – судьба поэта в страшном мире. Отсюда вырастает «Спляши, цыганка, жизнь мою!»

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой.

Цыганщина со своей дикой необузданностью, тем выражением отрешённости, на которую способна только она, ощущается во всех циклах. Только если в «Снежной маске» цыганщина воспринимается больше как стихийная стремительность танца, в «Фаине» – ее огонь и буйство, то в «Страшном мире» и «Арфах и скрипках» она предстает как взрыв внутренних страстей, как боль и отчаяние в каждом движении, в каждом взмахе руки, с

²Блок, А. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Письма 1898-1921/ А.Блок . Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского.-Москва:Издательство: Государственное издательство художественной литературы. 1962.- 5728 с.

³Гинзбург, Л.Я. О лирике/ Л.Я. Гинзбург. О лирике.-Москва: Изд-во: Интрада, 1997., - 409 с

чувством высокого трагизма. Наряду с цыганской страстностью, в цикле «Кармен» звучит и томность испанских мелодий.

Трагическая тема с особой мощью звучит в «Страшном мире», где так явно «слышны вопли скрипок», «исступленное пение смычков», «свист замогильный», «жужжащий звон», а на фоне всей этой какофонии – жуткие реалии: «монисто брэнчало, цыганка плясала // и визжала заре о любви», звуки «рыдания у чьих-то ног», «храп коня» и «лязг костей».

В «Арфах и скрипках» – иной музыкальный настрой: «свирель зажгла», «томный голос с пением нежным», «бубенчик под дугой лепечет», «поют и плачут хрустали», «прощальный голос скрипок запредельных».

Возникает ощущение, что жуткая музыка «страшного мира» со своим скрежетом и визгом, сменилась чудесной гармонией приятных мелодичных звуков. Да, горькая разудалость опьянения окружающим горем прошла, осталось лёгкое похмелье, сквозь которое все же иногда вырывается буйный «зов рогов призывный», «окрик воронья», с тем, чтобы вновь «...рыдать над потухшим камином, // Чтобы только плясать при умершем огне!» Так что стройный ряд звуков – иллюзия. Их не может быть там, где попирается любовь, все самое святое у человека, где гнёт и скорбь, где боль и плач.

«Расстроенная скрипка всегда нарушает гармонию целого,- писал А. Блок в статье «Памяти В.Ф. Комиссаржевской»,- ее визгливый вой врывается докучной нотой в стройную музыку мирового оркестра; она вечно дребезжит, а не поёт». Визг у Блока, как характеристика дисгармонии жизни, встречается в тех стихотворениях, в которых основной акцент сделан на антимзыкальности пошлого быта и окружения: это и обращение к гармонике: «Эй, пой, визжи и жги» – в стихотворении «Заклятие огнём и мраком», которое проникнуто тревогой за счастье; это и стихотворение «голоса скрипок»:

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Но, как уже отмечалось выше, самая гнетущая музыкальная тема – в «Страшном мире» и, особенно, в «Плясках смерти», чье название уже говорит само за себя. Блоковский мотив безумной пляски близок пляске Катерины в «Срашной мести» Гоголя или Катерины Ивановны Мармеладовой в романе Достоевского «Преступление и наказание» как проявление крайнего отчаяния. Умиравший человек может плясать лишь в припадке безумия и полного равнодушия к людям. Именно так пляшут у Блока мертвецы, претворяющиеся живыми. «Скрежещущие звуки, которые проходят через все стихотворение, открывающее этот цикл, – это лязг костей, это тот диссонанс, который во многих стихах Блока враждует с музыкой жизни, это отражение антимзыкальности «страшного мира».

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Мертвецы ещё пытаются жить, даже править этой жизнью, как пробовали это сделать помещики, заклеянные Гоголем, чиновники Достоевского типа Голядкина из повести «Двойник».

Сопоставление Блока и Достоевского встречается у исследователей довольно часто. И это неслучайно: трагик в поэзии и великий трагик в прозе. Блок, душу которого терзали «демоны глухонемые», который ощущал современную эпоху как преходящий исторический миг, тянулся к Достоевскому, мучавшемуся нравственным вопросом: «Как жить человеку в этом мире?»

Беспощадный вывод романа Достоевского «Идиот» – в аморальном обществе самое святое и высокое уродуется и гибнет – созвучен лирике Блока. Так, в «Фаине» виден трагический образ Настасьи Филипповны, заключающий несовместимость красоты и «страшного мира». А лирический герой этого цикла, как и стихов «Снежной маски», в своей отрешённости подобен Дмитрию Карамазову с его хмелем любовного запоя, задававшемуся вопросом: «Как

любить?»), подразумевая: «Как жить?» Близок Блок Достоевскому и темой «двойничества», которая начала звучать еще в ранней лирике: «Двойник» («Вот моя песня – тебе, Коломбина...»), «Двойнику» («Ты совершил над нею подвиг трудный»), и развивалась в дальнейшем: «Двойник» («Однажды в октябрьском тумане...»), находя свое отражение в постоянных сомнениях. Но нет, Блок не был двуликим Янусом, его «маски» – не предмет виртуозного перевоплощения. «Двойничество» поэта – отражение трагедии его жизни и творчества, отражение реальных и мучительных противоречий исторической действительности.

Схож Блок с великим романистом и в беспощадном описании того, что происходит вокруг (особенно это характерно для «Страшного мира»).

Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?

Или:

Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.

Так и представляется по ассоциации Родион Раскольников, который, когда ему тошно было, шёл на Сенную площадь, где также мерзостно, для того, чтобы еще «тошнее было».

А вот уже прямая переключка с Достоевским:

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада –
Эта горькая страсть, как полынь!

Практически то же мы слышим в словах Дмитрия Карамазова: «...попирание всякой святыни, насмешника и безверие». («Братья Карамазовы», кн.9, гл.3)

«Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, является чувство пути, - писал А.Блок в своём

письме от 6 июня 1911 года. – И путь его – от мгновенья слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, возмущению и... - к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы,... вглядываться в контуры «добра и зла» – ценою утраты части души»⁴. И сам поэт шёл этим же сложным, мучительным и тернистым путём. Шёл, тоскуя о гармонии мира, бесконечным фаустовским путем. Блок столкнулся со своим временем резче и трагичнее, чем Гете со своей эпохой. Блоку суждено было, в отличие от немецкого поэта, пережить страшную разобщенность людей, ведущую к одиночеству. А потому для него резче звучит вопрос о разделении добра и зла и возмездия.

Подобно Фаусту, лирический герой Блока отвергает рай, выбирая путь мученический, но великий.

-Кто вы? Кто вы?

-Рая дщери!

-Прочь! Летите прочь!

Прочь лети, святая стая

К старой двери

Умирающего рая!

Однако полностью представить эти блоковские строки как поэтическую реализацию мифа о борьбе ангелов с Люцифером, о борьбе Христа и Антихриста, вряд ли следует. Мир не арена борьбы Бога и Дьявола, а процесс развития и движения человечества в будущее.

Трагический «путь» самого Блока, трагическое звучание отдельных циклов его лирики, прежде всего, - отражение подлинных идеалов и

⁴Блок, А. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Письма 1898-1921/А.Блок . Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского.-Москва:Издательство: Государственное издательство художественной литературы. 1962.- 5728 с.

устремлений целого поколения людей в эпоху между двух революций. И все же путь поэта, несмотря на «остановки и искривления», был прям и непоколебим.